

БОЙ У МИУСА

В селе Больше-Кирсановка стоит два памятника. Один — Герою Советского Союза В. А. Хайло, другой — неизвестным воинам, отдавшим свою жизнь за Родину. На бетонном постаменте, словно охраняя вечный сон бойцов, стоит советский солдат в военной форме с автоматом в руках, каким его видели на берегах Вислы, Дуная и в Берлине.

Не вянут цветы на могилах героев, отдавших свою жизнь за счастье советских людей. Давно запаханы воронки от бомб и снарядов, поднявшиеся из руин города и села стали еще более красивыми и величественными и только памятники как безмолвные свидетели, напоминают о суровых годах минувшей войны.

Мне вспоминается осень 1941 года. Через село проходили наши части. Двигалась кавалерия, ровными колоннами шла пехота. Войска отходили спокойно, бойцы говорили: «Мы еще вернемся. Вот увидите, побьем немца». Надо было обладать поистине огромной силой духа, чтобы в те, неизменно трудные дни, предвидеть далекую, далекую победу.

Со стороны Матвеев-Кургана с свистом летели снаряды и с оглушительным грохотом рвались в селе, на шоссе, а некоторые, калеча деревья, падали в лесу. Пылало несколько хат, трещали камышовые крыши, густой едкий дым стлался над Миусом. Внезапно канонада смолкла и воздух стал наполняться другим, тяжелым гулом, который, приближаясь, заполнял собой все пространство. Шли не-

мецкие танки и грузовики с пехотой.

Плотная колонна тяжелых машин растянулась на несколько километров. Часто задние останавливались, ожидая пока передние уйдут несколько вперед. На грузовиках сидели солдаты в зеленых мундирах, касках, с винтовками за плечами и равнодушно смотрели на изрытую снарядами землю, на пылающие хаты, на необработанные кукурузные поля.

...Голый лес стонал глухо и уныло. Теплолюбивые птицы улетели на юг, а те, которые остались, напуганные войной, спрятались невзвезд куда.

Между селами Больше-Кирсановкой и Кульбаково, почти у самого Миуса, на небольшом кукурузном поле осталась группа солдат с двумя противотанковыми пушками, с двумя ружьями ПТР, с пулеметом и гранатами. Они остались по приказу командования: задерживать противника, пока наши войска займут выгодную оборонительную позицию. Высокие стебли кукурузы служили хорошей маскировкой для бойцов, кроме того, они выкопали небольшие окопчики и приготовились к бою. Тяжелый гул танков уже слышался где-то за селом. Сквозь дымовую завесу горящего села тускло светило солнце. Тихо шелестели сухие стебли кукурузы, качались висевшие крупные початки, которых никому было сорвать.

— Приготовиться! — вдруг раздалась команда лейтенанта. И только показался головной танк с черным крестом на башне, ударила первая советская

пушка, за ней вторая. Танк остановился, задымил. Из люка стали выскакивать немцы, но их метко поражала пулеметная очередь. Из грузовиков соскакивали солдаты, залегали цепью. Среди немцев поднялась суматоха.

Голова колонны приостановилась. Неслись крики, команды, трещали пулемет и автоматные очереди, гремели пушки, взрывы гранат. Наши пушки действовали отлично. Вот уже второй танк вздрогнул, остановился. Из него повалил густой черный дым. Вспыхнул грузовик. Молодой пулеметчик, стиснув зубы стрелял по кучкам перебегающих немецких солдат. Глаза его горели гневом, он ничего не видел, кроме этой саранчи в зеленых мундирах и касках.

Немецкие танки, развернувшись в боевой порядок, били по кукурузному полю. Пехота лезла на пролом. Один за другим выходили из строя наши бойцы. Кончились боеприпасы.

Больше часа продолжался бой. Когда все было кончено и немцы двинулись дальше, сбоку шоссе осталось четыре подбитых немецких танка и три догравших грузовика. А вокруг валялось множество трупов немецких солдат. На кукурузном поле была тишина.

Возле пулемета на спине лежал молодой пулеметчик в окровавленной гимнастерке. Глаза его были открыты и, не мигая, смотрели в родное осеннее небо.

Эти бойцы никому никогда не встретятся в жизни, они погибли в неравном бою. Но не вянут цветы на их безымянной братской могиле, не меркнет слава о их подвиге в сердцах людей.

А. БАРАБАШ.